

6 ФЕВ 1988

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Издательство «Советская Россия» выпускает в свет второе, дополненное издание книги очерков Людмилы Зыкиной «На перекрестках встреч». Ниже публикуется в сокращенном варианте глава, посвященная известнейшей исполнительнице русских песен народной артистке СССР, Герою Социалистического Труда Марии Мордасовой.

Марию Николаевну Мордасову я знаю давно — со времен войны, когда услышала по радио ее звонкий, задорный, пронизанный жизнелюбием «полетный» голос. Артистка — плоть от плоти народная певица. Детство ее прошло в Нижней Мазовке Чернянского уезда, что на Тамбовщине, в бедной семье, знавшей нужду, голод, непосильный труд. Но песню русскую любили здесь все, потому что пение почитали в деревне, как труд, как дело.

— У нас вся семья певучая была, считай, от шестого колена, — рассказывала Мордасова. — Бабушка моей бабушки и пела, и хороносила, и даже говорила в рифму. Бабка много знала песен, а дед Степан дня не мог прожить без них. Отец любил декламировать нам, детям, стихи Кольцова, Некрасова, Тютчева, Фета. Дядя, много поездивший на своем веку в поисках заработков, умел увлекательно рассказывать о больших городах, о неведомых дальних краях, о том, как живут там люди. Мать моя, Прасковья Прокофьевна, знала толк в народных песнях. Бывало, выйдет деревня на Малиновский луг попеть, или на посиделках, на покосе, в поле — все равно где — мама была заглавной исполнительницей всевозможных песен, частушек, страданий, круговых барынь... Всякую работу мама делала с песней. Набор их у нее был огромен, а частушек — нет числа. Тут и шуточные, и любовные, и лирические, всякие рассыпухи, завлекалочки, присказульки, веселушки, препудки... Когда замуж я вышла, то все мое приданое состояло из материнских песен. Я с десяти лет в поле трудилась, и на огороде, и на сенокосе... Чуть подросла — стала самостоятельно дояркой работать, тогда начали только-только организовываться колхозы. Потом бригадиром полеводческой бригады меня выбрали. Ложились поздно, за полночь, а в пять утра снова на ногах. Но все же семилетку закончила.

И, может быть, не была бы Мордасова такой, какой мы все ее знаем теперь, если бы не встретились на ее пути сельские учителя супруги Загуменовы. Услышали они, как ударно пела звеневшая частушки, удивляя всех своим сильным голосом и своеобразной интонацией. На предложение Ильи Тимофеевича участвовать в хоре, который они с женой организо-

ЗАВЕТНЫЕ КЛАДОВЫЕ ПЕСНИ

вали, юная артистка дала согласие и, попав на сцену, осталась на ней на всю жизнь.

— Однажды, — вспоминала Мордасова, — мне сообщили, что придется петь в клубе Тамбовского артиллерийского училища. Я так обрадовалась сначала, а потом призадумалась: в чем выходить на сцену? Ни платья приличного, ни туфель нет. Платье все же какое ни какое подыскали, а что же с обувкой делать? Решили сплести новые лапти. В них я и вышла на сцену, спела народную «Эх, лапти мои» под дружные аплодисменты зала. В подарок от курсантов училища я получила первые в жизни настоящие фабричные туфли.

Не расставалась Мордасова с песней и в Воронеже, куда переехала незадолго до Великой Отечественной войны, работала швеей на фабрике имени 1 Мая.

— Робела я в новой обстановке, — рассказывала певица, — да и с мастером были ссоры. Та хотела сделать из меня брючницу, а мне платье хотелось шить. И вот однажды стою в коридоре и слышу звуки музыки, доносящиеся со второго этажа. Пел хор. И так мне захотелось петь, так я изголодалась в городе по песне, хотя первыми мыслями были: «Не примут, новенькая, да еще с мастером неурядицы...» И вот пошла, стою в сторонке — шла очередная репетиция. Слышу, одна из солисток неправильно берет подголосок в захаровской «Дороженьке». Не выдержала, не устояла, во весь голос выдала фразу... и убежала вон. Разыскали, пригласили, и дело пошло. Мы часто выступали в рабочих и сельских клубах области, побывали даже с концертом в Москве, в Большом театре. Воскресным днем 1941-го готовились к передаче на радио. В студии во время репетиции и застала нас страшная весть о войне... Фабрика стала выпускать одежду для фронта: телогрейки, шинели, бушлаты... Работали по 12—15 часов в сутки и успевали еще петь на вокзале перед отправкой бойцов на фронт, в призывных пунктах, госпиталях. Давали иногда по три концерта в день и видели, как поднималось настроение у бойцов.

Несмотря на трудности военного времени, государство продолжало заботиться о развитии духовной культуры народа. В январе 1943 года был создан Воронежский русский народный хор. В то время Мордасова была в Тамбове у матери. Обессиленную и истощенную, ее положили в госпиталь. Здесь она услышала, что недалеко от Воронежа под руководством К. И. Массалитинова и Г. Б. Рогинской из лучших самодеятельных коллективов создается профессиональный хор. И, получив телеграмму от Массалитинова с приглашением принять участие

во вновь организуемом коллективе, не дожидаясь выздоровления, певица отправляется в путь.

По заваленным снегом дорогам в прифронтовое село Анна в стужу и метели под отдаленный гул артиллерийской канонады шли пешком будущие артисты — певцы, музыканты из лучших ансамблей и колхозных хоров Воронежской области. Это были настоящие патриоты песни.

Вместе с вновь созданным коллективом Мордасова выступает на фронтах, в боевых частях, перед ранеными бойцами в госпиталях. Она поет трогающие солдатское сердце песни — то протяжные и строгие, то веселые и задорные. Мордасова одна из первых поддержала инициативу комсомольцев хора — на личные сбережения построить боевой танк Т-34. Боевую машину назвали «Русская песня». Танк этот в боевом марше прошел от Дона до Дуная.

Первыми слушателями Мордасовой стали бойцы и командиры Красной Армии.

— Писем с фронта приходило столько, — вспоминает певица, — что некуда было их девать, и из-за недостатка времени приходилось их читать по ночам. Какие же это были теплые весточки с фронта, сколько в них было сказано прекрасных, трогательных слов!

Как-то в разговоре с Юрием Гагариным я пошутила мордасовской строкой: «Полететь бы поискать туфли межпланетные...». А что, — улыбнулся он, — давай махнем в Воронеж, гармонь возьму. Вот концерт будет — Мордасова, Зыкина и... Гагарин!»

Не помню, почему не состоялась та поездка. Только двадцать лет спустя я оказалась с мужем в доме певицы, в самом центре Воронежа — на площади имени В. И. Ленина.

Скромно обставленная квартира, минимум удобств. На стенах — портреты земледельца Мальцева, космонавта Феокистова, маршала Жукова, певца Козловского... На всех — надписи с автографами.

Пока кипел чайник, Мордасова показала мне целую коллекцию нарядов.

— На гастроли за мной целый сундук с костюмами ездит. Паневы, сарафаны, расшитые кофты, кокошники, бусы разные, монисто... Обожаю русскую национальную одежду, русский костюм. В нем чувствуешь себя легко, летуче.

— Отрадно, что народная песня звучит сейчас широко. Многие композиторы, поэты, певцы, музыкальные коллективы повернулись к фольклору, успешно развивают его традиции в работе над новыми сочинениями.

— Иначе и нельзя: фольклор — та заветная кладовая, в которой хранятся неисчерпаемые богатства. Как говорят: «Старина — целина; на хорошую почву зерно хоть возле ноги брось — оно колосом обернется!» Но что меня беспокоит? Стилизация, внешняя подделка под народное искусство.

Для меня подход к народному творчеству подобен отношению к святыне. Понимаю доброе стремление возродить старинные напевы. Но когда на свет божий вытаскиваются произведения невысокого художественного уровня, «надрынные», «страстные» песни забытого мещанского мирка, которые выдаются за народные, мне становится не по себе. И сама манера исполнения этих песен далека от народной, вот ведь какое дело. Песня народная не терпит ни излишней сухости, «пресности», ни чрезмерной чувствительности, разухабистости. В ней все должно быть подобрано, сдержанно, все «внутри», в душе. А какое в ней мелодическое разнообразие! Смотришь, бывало, между деревнями всего-то верстовая дорога или речка-невеличка, а песни разные, непохожие. «У нас песни лучше», — говорят и те, и другие селяне. И в добром, вечном этом споре — гордость за свой край.

Очень мне симпатичны старинные народные песни, звучавшие прежде на свадьбах. Давно мечтаю восстановить их, какая это была красота! А сейчас, по моему, в современных свадебных обрядах мало поэтичности, зрелищности, символичности. Такое событие, как свадьба, должно остаться в памяти молодых на всю жизнь как самое-самое яркое, светлое событие в их жизни. Хотите, я вам спою «величальную»?

И Мордасова запела. Пела она чисто, я бы сказала, всласть, словно любуюсь про себя каждой ноткой, фразой, словом. Я сидела буквально завороченная, испытывая редчайшее удовольствие. «Эх, нет Юры Гагарина, — пронеслось в голове, — он бы послушал Россию...». Вспомнила я и очень точные, емкие слова неизвестного мне поэта:

Когда Мордасова поет —
И песня ладится распевней.
За ней встает простой народ
Из русской певческой деревни.

Лучше и не скажешь.

Людмила ЗЫКИНА,
Герой Социалистического Труда,
народная артистка СССР.